



Николай Агапов
Деформация

18+

Николай Агапов

Деформация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69527209

SelfPub; 2023

Аннотация

Все мы ходим под ненавязчивым ежедневным надзором. Не задумывались? – поднимите голову вверх и спросите у солнца: нравится ли ему то, что оно видит?

Николай Агапов

Деформация

Он чувствовал ее приближение. Живительная влага была уже близко. Он, как всегда, предвкушал ее пьянящую свежесть, ее непостоянство. Он уже ощущал ее запах, ее флюиды. И, как всегда, он начинал – сперва это будет шепот, но постепенно он перейдет в рев, буйство и неистовство. Но пока он будет тих, спокоен и размерен, как всегда. Оно уже подкатывало, это чувство – щекотало его изнутри. Еще немного и... его первые слова упали в воду, словно скупые слезы:

– Сегодня я опять наблюдал за ними. И ты, наверно, ожидаешь чего-то нового.

Он на мгновение застыл, будто в ожидании ответа. Она безразлично колыхнула всем телом, мол, продолжай, а он и не ожидал ничего другого.

– Но все, как *все-гда*... Хм-м-м... Ну вот хоть *это*: представь себе, они приехали на берег Волги, – она задрожала от предвкушения, – На белом таком Хавале. Ну, ты помнишь, я рассказывал о таких машинах: суперпопулярны у них сейчас. Так вот, машина сверкает в лучах и с лихим заносом останавливается на краю травяного покрова. Конечно, все сразу высыпают на волю из тесного пространства этой дребезжащей колымаги, как чертики из коробочки: мгновение назад еще ничего не было и бамс! – они болтаются снаружи.

Дети – сразу носиться, а взрослые чванятся, типа спокойные, рассудительные, «нам не до игр», а сами, ну, я же вижу, чуть из штанов не выпрыгивают, еле удерживаются, чтобы тоже не сорваться в галоп. Их четверо, как по классике: папа, мама, сын и дочка. Полный комплект, не хватает только ленточки сверху или вишенки на торте – это как тебе больше нравится.

Он коснулся воды и ощутил обволакивающую влажную прохладу, но внутри него появлялись уже первые признаки бури. Он, наконец, услышал знакомый ласковый голос:

– Мне нравится, как ты говоришь, продолжай, я внемлю.

Он провёл по воде и от его прикосновения побежали сладострастные мурашки, куда-то туда: в бесконечность. Он какое время наблюдал за ними, а потом продолжал:

– Вытащили из лона машины мангал, ракетки, пару одеял и корзинки с едой. Вот честно, даже мне захотелось туда к ним. А с каким аппетитом-то они ели! М-м-м... И уминал азартнее всех мальчик, Вова звали, ну этого так, к слову. Вообще-то, нравится мне это имя, оно какое-то... Круглое что ли, что-то в нём есть.

– Вова. Во-ва. Да что-то и впрямь есть, как вол-на: Во-ва... пших – и разбилась о берег... Во-ва... пших... пших...

– Так вот, он хрустел арбузом так! что мне казалось, сладкие липкие брызги долетали прямо до меня. Но может, я напридумывал себе, может, мне просто очень хотелось: кусочек этого круглого полосатого чудовища. А потом они...

они, – и он пристально посмотрел на воду – начали пускать кораблики из арбузных корок. Прямо по Волге!

В нем начинало уже клочкотать. А она улыбнулась, кораблики – ведь это так мило! Улыбка продержалась несколько мгновений и растворилась. Он чуточку успокоился и продолжал:

– А потом пошел дождь, – и он уже прокричал это, не в силах удержать в себе это пламя, – Все четверо, весело смеясь и втягивая поглубже головы, умчались в машину – этот белый гроб на колесах. Я видел все, *все*: как дети сидели, уткнувшись в гаджеты, как жена листала новостную ленту в планшете, пытаясь вырвать у Сети информацию о том, долго ли продлится ливень. Видел мужа и отца, как он умильно смотрел на жену, потом на капот, потом на жену, потом на капот и его взор задержался там как-то чересчур долго. Как постепенно, словно наливаясь свинцом, его взгляд остекленел и будто бы открыл возможность заглянуть за незримый занавес, и то, что было там, застало его врасплох. Нет – даже заморозило, загипнотизировало его. Затем он приобнял жену и, громко так, прошептал: «Вот точно так барабанили капли по крышке гроба матери. Кап! Кап! Кап!» И он выстукивал каждое «кап» пальцем по ее подбородку. Она не поняла смысл его слов и захотела посмотреть на него, но не смогла: его рука крепко держала ее подбородок, так крепко, что она взвизгнула от боли, и тут он резко дернул рукой, и она с все еще застывшим недоумением на лице уставилась

на заднее стекло мокнувшего под дождем железного коня 21 века. Первым завопил Вова: «Ма-ма!» Или даже: «Ува-ва!» Как будто ему снова сделалось два годика. Отец повернулся к нему и приторно-ласково сказал, что он не должен был этого видеть. И сделал так, что его сын больше не мог ни видеть, ни слышать ничего – только смотреть кровавыми впалыми глазницами в обшивку потолка приятного для глаза кремового оттенка. В этот момент дочка, вопя и рыдая, выбежала из машины, но далеко убежать не удалось, отец схватил ее и бросил на одеяла пропитавшиеся потоками слез, лившихся с неба. Раньше они были небесно-голубого оттенка, теперь померкли до состояния грязно-серой липнущей к телу субстанции. И среди этой грязи отец лишил жизни последнее родное существо в этом мире. Он душил ее, и пока дождь, пытаясь хоть как-то утешить ее боль, наполнял ее рот прохладой влагой. Отец шептал: «Это не я – это все моя мать. Она виновата. Это все этот стук: кап-кап-кап... как тогда на похоронах... сначала ее мертвой привезли из сумасшедшего дома, и мне пришлось спать с ней в одной комнате. А потом был этот дебильный дождь с его каплями: *капкапкап-капкап*». Дочь какое-то время пыталась шевелить губами, на которых читалось: «папа-папа». А потом ее глаза остекленели, и в них, – тут он окончательно рассвирепел и с бурлением, шипением, пылающей яростью стал погружаться в воду, продолжая громогласно реветь, – в них отразилось лицо ее отца, искаженное безумием, смотрящее куда сквозь дочь,

сквозь дождь, сквозь боль, сквозь время. Потом он спокойно завел машину, въехал в Волгу и открыл окна. Ну, а дальше ты и сама знаешь, так сказать, из первых уст.

– Конечно, милый, успокойся, – и она дала ему напиться живительной влагой.

– И все-таки раньше было лучше: когда не было этих... людишек. Только трепещущие деревья, стремительный ветер и безмолвные неподвижные камни.

Эти слова взволновали ее и всколыхнули воспоминания о былом – она прошептала мечтательно шелестящим голосом:

– И невозмутимое спокойствие... – шептала она мечтательно шелестящим голосом и посылала ему волну за волной, чтобы скорее укрыть его и затушить бушующее неистовство.

– Ненавижу этих людей! Чтоб они все!..

Последний ярко-красный сверкнувший луч означивал продолжение фразы, которую никто не услышал, кроме воды, в темно-синей прохладе которой нашло временное спокойствие разъяренное светило. Шипя, пенясь и волнуясь, приняла его верная подруга в свое лоно на недолгий сон. А слуга-ночь уже рьяно ткала непроницаемую ткань, сквозь которую только очень чуткий слушатель мог уловить отголоски разговора солнца с водой. И тогда у этих людей было смутное ощущение: то ли грома вдали, то ли тревожной вибрации в глубине души, то ли отчаянного стука сердца или капель, стучащих по жести: кап-кап-кап, бум-бум-бум. А ночь

молчала – не гоже слугам разглашать сплетни хозяев. И рассыпала мечты людей звездами: причудливой вышивкой на своем черном бархате и любовалась им до рассвета.

А вода тихо шептала: «Завтра будет новый день, будут новые люди, ты только не уставай им светить, и знай, что каждый вечер я жду тебя, только тебя, мой любимый».

И темные воды, трепещущей рябью миллиардов губ, покрывали поцелуями короля небосвода.